

Н.В. Барковская

СКАЗОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ В РУССКОМ СИМВОЛИЗМЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

Стиль модерн широко использовал сказочные мотивы, что отвечало интересу к чудесному, причудливому, фантастическому. Русский модернизм обращался к славянской мифологии, народным сказкам и легендам, по своему преломившихся в сказках А. Ремизова («Посолонь»), А. Толстого («Сорочьи сказки»), циклах стихотворений А. Блока («Пузыри земли») и К. Бальмонта («Фейные сказки»), в декоративно-прикладном творчестве художников в Абрамцево и Талашкине и т. д. Не менее часты обращения к сказкам немецких романтиков и Г.Х. Андерсена. Интерес к сказке поддерживался мифологизацией «детского» как первоначально-гармоничного состояния, а также отмечаемой мемуаристами «детскостью», «невзрослостью» психологического склада таких символистов, как К. Бальмонт, А. Блок, А. Белый, А. Ремизов, что наиболее очевидно в игровом характере их «жизнетворчества». Именно сказочный компонент символизма актуализировался в современной «неомодернистской» литературе (Д. Воденников, В. Темиров, Д. Гагина, М. Ботева). Внимание к сказочному началу в произведениях символистов имеет свои методические возможности, облегчая усвоение сложного материала в школе.

Обратимся только к одному примеру: изучение стихотворения К. Бальмонта «Снежинка». Несмотря на обилие методических разработок, на ряд вопросов еще нет однозначного ответа.

В каком классе целесообразно обращаться к этому стихотворению? В.Г. Полякова включает «Снежинку» в уроки внеклассного чтения уже во 2-м классе; естественно, задача ограничивается выразительным чтением и общим комментарием о любви к родной природе [7]. По программе Т.Ф. Курдюмовой стихотворение читается в 5-м классе, по программе В.Я. Коровиной – в 7-м классе. Вариант среднего звена можно считать предпочтительным, т.к. в 11-м классе, где характеризуются поэтические системы Серебряного века, наиболее яркие творческие индивидуальности, времени на текстуальный анализ отдельных – не программных – произведений не остается. Вторая проблема связана с привлечением литературного контекста. Л.Н. Хомчановская [10] предлагает изучать стихотворение «Снежинка» в 3-м классе, наряду с рассказом С. Аксакова «Снег» и стихотворением И. Бунина «Первый снег». Однако при этом сопоставляются произведения разных родов литературы и разных художественных систем (реализм и символизм), что провоцирует на отождествление художественного мира с объективной реальностью (не случайно детям предлагается читать тексты, используя жесты и мимику). Наиболее естественный контекст для стихотворения К. Бальмонта – стихотворение «друга и брата» В. Брюсова «Первый снег» – оба поэта принадлежали к поколению «старших» символистов, тем заметнее будут индивидуальные отличия. Третья проблема касается выбора уровня произведения, на котором будет вестись анализ. Большинство методистов акцентируют ритмико-звуковой уровень, что оправдано музыкальностью символистской поэзии. Наиболее тщательно методика анализа ритма

Нина Владимировна Барковская — доктор филологических наук, профессор кафедры современной русской литературы Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург).

разработана Г.Н. Кудиной, З.И. Новлянской [6]. Однако предлагаемая ими система работы нацелена на выявление фоносемантики: определенной фонеме приписывается цветовой эквивалент и соответствующая природная стихия (море, воздух и проч.). Однако о недопустимости семантизации звука, вырванного из контекста слова, словосочетания, строки, предупреждали Ю. Лотман, Е. Эткинд, М. Гаспаров; Е. Фарино; цвет звуков по-разному трактовали, например, К. Бальмонт и А. Белый, так что необходимо обращение к соответствующим трактатам самих символистов, что еще усложняет работу. Своеобразие символистского мифа о мире нагляднее всего можно продемонстрировать на предметно-изобразительном уровне *художественных образов*, памятуя, что это – образы-символы. Предметная деталь (например, снежинка) выступает знаком более общего, отвлеченного содержания, элементом *мифа*. Методическая разработка Л.Р. Жуковской [5], содержащая интерпретацию стихотворения Брюсова «Первый снег» в 11-м классе, ставит в центр внимания именно этот уровень (поэтический мир), выявляя логику лирического сюжета, диалектику смысла образа-символа. Однако вывод, следующий из филигранного анализа текста, по меньшей мере, неточен: авторская позиция интерпретируется в духе христианства («На рубеже веков главная мечта каждого христианина – мечта о рае», цель символистов – «соединить земную реальность с божественной небесной ипостасью, напомнить читателю о его цели на земле»). Характерные черты «диаволического дискурса» [9, 38-50, 57-61] «старших» символистов (эстетизм, эгоцентризм, эстетизация зла, связь Эроса и Танатоса и проч.) не берутся во внимание. И это не случайно: тонкости философско-эстетической программы как «старших», так и «младших» символистов, сочетающей идеи Ницше, Сведенборга, Беме, Вл. Соловьева и др. невозможно и вряд ли нужно освещать в пределах школьного урока. Но и сводить все к христианству тоже нельзя. И вот тут может помочь сказочный компонент в символистском образе мира. «Мир очарований», «мир из серебра» в стихотворении Брюсова – это воплощение «грезы», «призраков», «снов»; это сказочный мир («Все предметы старой прозы / Волшебством озарены»), противостоящий скучным будням, но мир застывший и холодный («из серебра»). Если же это снежное царство придет в движение, то оно наполнится злыми, демоническими силами: в цикле Блока «Снежная маска» разворачивается сюжет «Снежной королевы», метель

на улицах Петрограда в поэме «Двенадцать»; см. также [2, 97-118; 4, 41-44; 11, 171-209].

В стихотворении Бальмонта «Снежинка» рисуется путь нисхождения (*descensus*), но не падения, не бесцельного кружения, а искупительной жертвы во имя просветления мира земного.

Светло-пушистая
Снежинка белая,
Какая чистая,
Какая смелая!
Дорогой бурною
Легко проносится,
Не в высь лазурную,
На землю просится.
Лазурь чудесную
Она покинула,
Себя в безвестную
Страну низринула.
В лучах блистающих
Скользит, умелая,
Средь хлопьев тающих
Сохранно-белая.
Под ветром веющим
Дрожит, взматывается,
На нем, лелеющем,
Светло качается.
Его качелями
Она утешена,
С его метелями
Крутится бешено.
Но вот кончается
Дорога дальняя.
Земли касается
Звезда кристальная.
Лежит пушистая
Снежинка смелая.
Какая чистая,
Какая белая!

Легкий, порхающий ритм стихотворения отмечается всеми авторами методических пособий (короткие строки двухстопного ямба, сплошные дактилические окончания, нередко – глагольная рифма, обилие глаголов движения и прилагательных, ассонансы и аллитерации, особенно выразительные в 5-й строфе). Обратим внимание на композицию стихотворения: восемь строф можно разделить на три части (две строфы – четыре строфы – две строфы). Первая часть (строфы 1-2) рисует исходное пребывание снежинки в родной небесной лазури; средняя часть (строфы 3-6) – путь вниз, к земле, по воле ветра прихотливого; заключительная часть (строфы 7-8) рисует итог: снежинка касается земли, привнося свой белый, чистый свет. Снежинка – звездочка, пентаграмма – символ человека; ангельская белая душа вочеловечивается, одухотворяя земную плоть.

Своеобразную сказочную параллель к этому стихотворению Бальмонт дает в расска-

зе «Почему идет снег». Шесть девушек предлагают каждая свое объяснение, почему идет снег. Рассказчику больше всего понравился рассказ маленькой Вероники («ибо детям открыто больше, чем взрослым» 1, 169). Вероника – «златоволосая девочка девяти лет, жадными глазенками своей вечно трепещущей и хотящей души уже успевшая заглянуть во много цветов, и звезд, и человеческих глаз и – коробок с конфетами» [1, 167].

Вот кратко – суть сказки Вероники. Давно-давно, когда на земле не было снега, деревьям было холодно и неудобно, и они бранили Зиму. Но спасла Зиму от брани одна маленькая девочка. Злая мачеха выгнала ее из дому в лес. Там она пожалела Зиму и стала молиться, чтобы Бог сделал из нее что-нибудь, что могло бы укрыть деревья. И Бог услышал ее молитву. Девочка вдруг пропала, а вместо нее явилось белое облачко, и из него посыпался снег.

Рассказчик, размышляя над чудом белого снега, вспоминает индускую книгу «Браманас», русскую «Голубиную книгу», где говорится, что «основа всего бытия есть Жертва, неизбежная, неисчерпаемая жертва Всего во имя части, Божеского во имя звериного и человеческого, Совершенного во имя несовершенного» [1, 171]. Белый снег спасает маленький зеленый стебелек от свирепого холода, чтобы он мог расцвести под Солнцем и дать бабочке цветочной пыльцы, пчеле – радость меда, а человеку – радость зерна.

В сюжете, придуманном Вероникой, узнаются не столько мотивы сказки В.И. Даля «Девочка Снегурочка», сколько сказки А.Н. Островского, особенно популярной благодаря опере Римского-Корсакова, а также декорациям и костюмам по эскизам В.М. Васнецова. В сказке Островского Снегурочка, загоревшаяся любовью к Мизгирю, гибнет, но с ее смертью кончается гнев Мороза, и Лель запекает песню Яриле – Красному Солнцу.

Представляется, что идею самопожертвования (или хотя бы самоограничения) важно донести до современного «поколения Пепси» с его девизом: «Возьми от жизни все!». Установка на потребительский гедонизм формируется, в какой-то степени, и под влиянием прагматизма взрослых, поневоле вытесняющих сказку из души ребенка. Об этом – сказка Ф. Сологуба «Снегурочка» (написанная по мотивам рассказа Натаниэля Готорна в 1908 г.).

Ребятишки, Шурка и Нюрка, красивые, румяные, веселые, слепили в саду Снегурочку. В сочельник, когда чудеса сбываются, Снегурочка ожила и весло играла с ребятами. Вече-

ром спохватились родители: мать-феминистка, с книжкой Эллиен-Кей, «кратко и твердо верившая, что женщины не плоше мужчин способны посещать университет и ходить на службу во всякий департамент», и отец, учитель русского языка в гимназии, позитивист, читающий журнал «Русское богатство». Перепугались родители, решили, что девочка совсем замерзла, посадили ее к жаркому огню, поближе к камину – и Снегурочка умерла, осталась только куча мокрого снега. Дети подняли рев, а родители говорят им: «Глупые дети, что вы говорите нелепые сказки!» [8, 532-542].

Идея «священной жертвы», а также «солнечная мифология» роднят Бальмонта с «младшими» символистами, прежде всего, с А. Белым, автором «симфоний» и книги стихов «Золото в лазури».

В серии «Сказки НЛО» в 2005 г. вышла книга молодой писательницы, студентки Екатеринбургского театрального института Марии Ботевой. В книгу вошли две сказки: «Световая азбука» и «Две сестры, два ветра». Уже название первой заставляет вспомнить «Световую сказку» А. Белого. Вторая сказка продолжает традиции юношеской «Северной (1-й, героической)» симфонии этого автора. При написании симфонии А. Белый вдохновлялся музыкой Грига, картинами Беклина, сказками немецких романтиков и Андерсена. На поляне среди северных лесов, в одинокой мраморной башне живут король и королева, покинувшие свой народ. В одиночестве, среди «безвременья», подрастает королевна. Ее рыцарь-возлюбленный оказывается одержим силами мрака, разворачивается борьба света и мрака, Христа Грядущего и демонических сил. В финале, через смерть королевны и ее возлюбленного, побеждают белые силы добра. Многие мотивы этого необычного произведения перекликаются со сказкой М. Ботевой «Две сестры, два ветра»: высокая башня, где в одиночестве живут принцессы, Шура и Нюра, северные леса, звон колокола, люди-оборотни, а главное, лейтмотивом звучат некоторые фразы, прежде всего – «безвременье». Композиция сказки напоминает «симфонию»: три части («Безвременье» – «Невеста Ветра» – «Возвращение ветра»), каждая состоит из семи главков. Сюжет разворачивает борьбу добра и зла. Страна Таэвас большая, красивая – «в три дня не обойти», над страной – радуга от края до края; жители любят не торопясь ехать на поезде из трех вагончиков: «смотреть в окно на цветущие одуванчики, на тюльпаны, на жасмин, срывать его веточки из окна, смотреть на луга,

на синие реки, на крутые и пологие берега, на желтый песочек, на белые березки, на дожди осенью, на снега – зимой» [3, 71-72]. Но северный ветер, Армавирка, жених старшей принцессы, совершил, по своеволию, ошибку – вызвал южный ветер (нарушил порядок). Засуха поразила страну, пришли с юга враги, развели траву Слепород, которая отняла у людей память. Забыли они родную страну, все уехали, только принцессы остались, да одноклассник младшей, Ньюры, превратившийся в медведя. Воцарилась вечная осень, безвременье. После ряда приключений Шурочка с Армавиркой покинули страну, ушли и Ньюра с Мишей. Жители вернулись. Но теперь Насылающим ветер стал сухой прагматик, выдувший всю радость из страны. В конце концов сестры не выдержали жизни на чужбине, вернулись, Армавирка снова стал Ветром, но Шурочка превратилась в полотнище флага, сотканное из осенних листьев и крыльев стрекоз. Армавирка всегда рядом с ней, они берегут свой народ, предупреждают об опасностях. Иногда они грустят, что больше не могут быть людьми, и тогда идет дождь, но недолго, и над страной снова выглядывает солнышко.

Как и в симфониях А. Белого, в сказке М. Ботева переплетаются фантастическое и обыденное (школа, «велики», кеды и проч.), но данный прием не служит целям сатиры, а только придает занимательность. Подобно А. Белому, М. Ботева видит залог жизни в вечном движении: фраза «Ветер не может кончиться» звучит лейтмотивом (ср. также: последний цикл А. Блока назывался «О чем поет ветер»). Основные темы сказки «Две сестры, два ветра» – красота родной земли, любовь и верность, ответственность за все происходящее, готовность к самопожертвованию. Не только поэтика, но и общий пафос сказки

молодой писательницы возрождают традиции мифопоэтического символизма.

Литература

1. *Бальмонт К.Д.* Где мой дом: Стихотворения, худож. проза, статьи, очерки, письма. М.: Республика, 1992.
2. *Барковская Н.В.* Апология хаоса в русском символизме // Русская литература XX века: закономерности исторического развития. Кн. 1. Новые художественные стратегии. Екатеринбург: УрО РАН, УрО РАО, 2005.
3. *Ботева М.* Световая азбука. Две сестры, два ветра. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
4. *Доманский Ю.В.* Смыслообразующая роль архетипических значений в литературном тексте. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001.
5. *Жуковская Л.Р.* Уроки-интерпретации лирических произведений по методике В.А. Лазаревой // http://festival.1september.ru/2005_2006/index.php?numb_artic=314991.
6. *Кудина Г.Н., Новлянская З.И.* Педагогика трех «У». (Литературное творчество как средство развития личности учащихся начальной школы) // <http://old.teacher.org.ru/document/887/2727>.
7. *Полякова В.Г.* Урок внеклассного чтения по теме «К. Бальмонт «Снежинка»» во 2-м классе // www.nipkipro.ru/news.php?1=5-59k.
8. *Сологуб Ф.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М.: НПК «Интелвак», 2001.
9. *Ханзен-Леве А.* Русский символизм. СПб.: Академический проект, 1999.
10. *Хомчановская Л.Н.* Урок чтения в 3-м классе по теме: «С. Аксаков «Снег», К. Бальмонт «Снежинка»» // festival.1september.ru/2004_2005/index.php?numb_artic=213839.
11. *Эшштейн М., Юкина Е.* Поэтика зимы // Вопросы литературы. 1979. № 9.